

МУЛЛАГАЯНОВА ГУЛЬФИЯ СЕЙТШАРИФОВНА

**ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
ГОВОРЯЩЕГО В МОМЕНТ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева»

- Научный руководитель:** **Темиргазина Зифа Какбаевна,**
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент Академии
педагогических наук Казахстана
- Научный консультант:** **Вафеев Равиль Айсаевич,**
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный работник ВПО РФ
- Официальные оппоненты:** **Шайхулов Алмас Галимзянович,**
доктор филологических наук,
профессор (г.Уфа)
Салимова Дания Абузаровна,
доктор филологических наук,
профессор (г.Елабуга)
- Ведущая организация:** Стерлитамакская государственная
педагогическая академия им. Зайнаб
Биишевой

Защита состоится «25» декабря 2010 г. в «10.00» на заседании объединенного диссертационного совета ДМ 212.316.01 при Тобольском государственном педагогическом институте им. Д.И. Менделеева по адресу: 626150 г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «ТГСПА им. Д.И. Менделеева»
по адресу: 626150 г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ТГСПА им. Д.И. Менделеева «23» ноября 2010 г.

Режим доступа: <http://www.tgspa.ru/info/science/aspirantura>.

Автореферат разослан «24» ноября 2010 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000681721

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Ф.С. Сайфулина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современная антропоцентричность различных наук, в частности лингвистики, создает необходимость исследования эмоций, поскольку данная сфера является одним из самых важных человеческих факторов в языке. В связи с этим растет интерес к исследованию эмоционального состояния говорящего.

В силу того, что все люди в разной степени подвержены влиянию эмоций, существует необходимость изучения речевого поведения говорящего, эксплицирующего свое или чужое эмоциональное состояние. Таким образом, релевантность исследования обусловлена тем, что экспликация эмоционального состояния говорящего имеет высокую социальную значимость и характеризуется способностью влиять на деятельность человека. Проблеме исследования экспликации эмоциональных состояний не было уделено достаточно внимания в сопоставительных исследованиях татарской, русской и английской лингвокультур и, следовательно, она может претендовать на статус важного направления в современной лингвистике. **Актуальность** настоящей диссертационной работы состоит в том, что функционирование лексики, репрезентирующей эмоциональное состояние говорящего, исследуется с позиций прагматической лингвистики на материале диалогов, моделирующих реальные речевые ситуации на татарском, русском и английском языках. В работе рассматриваются факторы, каузирующие экспликацию эмоциональных состояний говорящего в момент речевого общения.

Эмоциональные состояния, являясь составной частью любой культуры, претендуют на универсальность, что выражается в выделении базовых эмоций, о которых упоминается в исследованиях известных ученых – психологов и лингвистов (М.Б. Арнольд, А. Вежбицкая, К. Изард, Р. Плутчик, С. Томкинз, М.И. Лазариди и др.). В то же время эмоции обладают некоторыми специфическими для каждого народа чертами. Данный факт находит подтверждение при изучении сходств и различий языковых картин мира, присущих разным народам. Культурная особенность выражения эмоциональных состояний проявляется также и в том, что даже универсальные эмоции, эксплицируемые в различных культурах, по-разному оцениваются и осмысливаются их представителями.

Эксплицитное проявление эмоций обычно сопряжено с определенными прагматическими особенностями. Так, при манифестации эмоциональных состояний может возникнуть вопрос об искренности / неискренности испытываемой эмоции, о целях и интенциях вербализации эмоций и т.п. Это обуславливает **цель диссертационной работы** – исследование прагмалингвистического аспекта экспликации эмоций говорящего в момент речевого общения на татарском, русском и английском языках.

Поставленная цель реализуется при помощи следующих **задач**:

1) выявить инвентарь эмоциональных состояний в русском, татарском и английском языках, эксплицируемых говорящим через ряд языковых единиц, передающих их различную аксиологическую ориентированность –

положительные, отрицательные и нейтральные эмоции; сопоставить инвентарь в трех языках;

2) описать синонимические кластеры позитивных эмоций и факторы их экспликации в трех исследуемых языках;

3) определить основные факторы, каузирующие экспликацию того или иного негативного эмоционального состояния говорящего в момент речевого общения, и сопоставить их в трех языках;

4) охарактеризовать национально-культурную специфику экспликации нейтральных эмоций говорящего в речевых ситуациях.

Теоретической и методологической основой данного исследования послужили работы таких отечественных и зарубежных психологов и лингвистов, как Л.С. Выготский, В.И. Шаховский, Л.И. Дмитриев, В.В. Жура, А.А. Залевская, Л.Г. Бабенко, Н.В. Витт, Ж.К. Ибраева, Е.П. Ильин, Н.А. Красавский, А.Н. Леонтьев, А. Пиз, Е.В. Суркова, Т.А. Трипольская и др. Их суждения о роли эмоций в жизни людей можно обобщить в виде следующих положений:

– эмоции обуславливают мировоззренческие, поведенческие нормы и рассматриваются как феномен национальной культуры;

– изучение эмоционального состояния в момент речи позволяет моделировать фрагменты языковой картины мира этносоциокультурной общности, выявить специфику национального языкового сознания, на базе которого строится речевое поведение носителей языка;

– язык разнообразно отражает эмоциональную деятельность человека; для этого используются средства разных его уровней: интонация, синтаксические конструкции и порядок слов, лексические и фразеологические единицы.

Цель и задачи настоящего исследования определили выбор следующих **методов анализа**:

1) обработка лексикографических источников, подразумевающая анализ словарных дефиниций эмоциональных состояний, выявленных в речевых ситуациях и моделирование синонимических блоков;

2) контекстуальный анализ, позволяющий проследить специфику функционирования эксплицируемых в речи эмоций (в диалогах героев);

3) сопоставительный метод, представляющий возможность установить сходства и различия в языковой реализации эксплицируемых говорящими эмоций в татарской, русской и английской лингвокультурах;

4) метод инвентаризации, позволяющий классифицировать эмоции по определенным характеристикам;

5) прагматический анализ, учитывающий коммуникативные намерения говорящего, взаимоотношения с партнером, характер и обстоятельства коммуникативного акта.

В рамках данной работы предполагается изучение эмоций с новой позиции, то есть рассмотрение непосредственной экспликации эмоционального состояния говорящего в процессе общения. Таким образом, **новизна** настоящего исследования заключается в коммуникативно-прагматическом подходе к изучению экспликации эмоций говорящего.

Объектом нашего исследования служат речевые ситуации, в которых говорящим эксплицированы его эмоциональные состояния в момент речевого общения на татарском, русском и английском языках.

В качестве **предмета** изучения рассматривается лингвопрагматический аспект экспликации эмоций говорящим в речевой ситуации с учетом национально-культурной специфики.

Материалом исследования являются тексты художественных произведений татарских, русских и англоязычных авторов конца XIX – начала XX веков, представленных в оригинале (Ф. Амирхан, Г. Ибрагимов, III. Камал, А.И. Куприн, А.П. Чехов, Ch. Dickens, W.S. Maugham). Объем произведений в каждом рассматриваемом языке составил не менее 1500 страниц, что позволило отобрать необходимое количество речевых ситуаций, в которых говорящие эксплицируют свое эмоциональное состояние. Диалоги в художественной литературе являются своего рода моделью реальных ситуаций общения, что позволяет рассмотреть факторы, обуславливающие эксплицирование эмоций в реальной речи. Общий объем фактического материала, эксплицирующего эмоциональные состояния, – около 1200 речевых ситуаций. Отметим, что частотность экспликации эмоционального состояния говорящим имеет принципиальную онтологическую ограниченность, о чем говорится в одной из работ З.К. Темиргазиной: «Ряд оценок, например, сенсорно-вкусовые, психологические, эмоциональные, эстетические, считается принципиально не мотивированными в логическом смысле, так как в основании лежат ощущения, эмоции, практически не поддающиеся экспликации и вербализации»¹. Кроме того, для проведения анализа отобранного фактического материала нами использовались синонимические и толковые словари трех выбранных языков.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что данное исследование вносит определенный вклад в теоретическое осмысление проблемы экспликации эмоций в процессе речевой коммуникации на материалах трех типологически разных языков, то есть в прагматическую лингвистику и теорию коммуникации.

Практическая ценность работы состоит в возможности применения полученных результатов в курсах сопоставительного языкознания, межкультурной коммуникации, а также в практике преподавания рассматриваемых языков. Непосредственная связь темы исследования с психологией позволяет также найти применение материалу в изучении курса психолингвистики. Кроме того, данная работа может лечь в основу разработки практических рекомендаций и семинаров по эффективности речевого общения.

На защиту выносятся следующие положения:

1) инвентарь эмоциональных состояний, эксплицируемых в трех типологически разных языках (татарском, русском и английском) обнаруживает общую, универсальную тенденцию к преобладанию негативных

¹ Темиргазина З.К. Лингвистическая аксиология: Оценочные высказывания в русском языке. – Павлодар: «ЭКО», 2010.

эмоциональных состояний над положительными и нейтральными эмоциями. Аксиологически ориентированные эмоциональные состояния говорящего, составляющие инвентарь эмоций, имеют большее разнообразие в английском языке в отличие от татарского и русского;

2) позитивные эмоциональные состояния, эксплицируемые говорящим, группируются в 4 синонимических кластера, объединенных по семантическому признаку; факторы, каузирующие положительные эмоции варьируются в зависимости от характера контекста по принципу конвенциональности;

3) существуют определенные факторы, диктующие экспликацию негативных эмоциональных состояний; отрицательные эмоции можно объединить в 11 кластеров, объединенных общим значением;

4) нейтральные эмоциональные состояния говорящего сводятся к двум группам синонимов; факторы, обуславливающие экспликацию нейтральных эмоций определяются аксиологической спецификой их выражения в речи.

Основные положения и выводы диссертационного исследования получили **апробацию** на научно-практических конференциях в России и Казахстане: «Проблемы языка в современной научной парадигме. VII Седельниковские чтения» (Павлодар, Казахстан, 2007), «Мир и человек: история, современность и перспективы» (Новосибирск, 2008); «Филология: вчера, сегодня, завтра» (Павлодар, Казахстан, 2008), «Гуманитарные науки» (Караганда, Казахстан, 2009).

Всего по теме исследования опубликовано 9 статей в научных журналах, в том числе 1 статья в издании, рекомендованном ВАК РФ и 3 статьи в изданиях, рекомендованных ККСОН РК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух основных глав, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается выбор темы исследования, актуальность ее изучения, формулируются цель и задачи работы, определяются объект, предмет исследования, освещается степень изученности темы, указываются основные методы исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы. Здесь же также обосновывается выбор фактического материала исследования, его объем и характеристика.

Первая глава диссертации **«Общетеоретические вопросы изучения эмоций в психологии и лингвистике»** включает в себя пять разделов.

В первом разделе **«Лексикографический и содержательный аспекты терминов, связанных с эмоциональным состоянием»** освещается терминологический аппарат исследования, где рассматриваются такие понятия, как «эмоция», «экспрессия», «экспликация», «эмоциональная и эмотивная лексика», «лексика эмоций», «эмотивная ситуация» и т.п. Данные термины предлагаются в трактовках психологов и лингвистов, что объясняется междисциплинарной спецификой темы работы.

Во **втором разделе** первой главы **«Теоретические предпосылки изучения эмоций в психологии»** поясняется необходимость обращения к

психологии как к одной из первых наук, обративших внимание на эмоции в качестве объекта исследования. В данном разделе предлагается исторический экскурс изучения эмоций через теории Ч. Дарвина, Джемса-Ланге, Кэннона-Барда, С. Томкинза, Л. Фэстингера и др. Также уделяется должное внимание более современным подходам к исследованию психических состояний, предложенных такими учеными, как Н.В. Витт, С.Л. Рубинштейн, К. Изард, С. Шехтер, Дж. Зингер и др.

Современные психологические исследования эмоциональных состояний ведутся в двух основных направлениях: во-первых, изучается опознавание выражаемых эмоциональных состояний через слуховой и визуальный перцептивные каналы и, во-вторых, исследуются характерные особенности выражения эмоций в процессе коммуникации. Так, последний аспект подводит к изучению эмоциональных состояний в процессе речевой деятельности, то есть к исследованию эмоций в лингвистике.

Раздел представляет краткое описание имеющихся в психологии классификаций эмоций по аксиологическим признакам, по степени интенсивности и продолжительности, по первичности или вторичности их возникновения. Кроме того, отмечается выделение психологами фундаментальных эмоций, стенических и астенических, побуждающих к действиям или, наоборот, ведущих к пассивности человека, испытывающего ту или иную эмоцию.

В целом история исследования эмоций показывает, что в психологии эмоций сама трактовка понятия может быть различной в зависимости от теоретических оснований конкретного исследования.

В третьем разделе первой главы **«Аспекты изучения эмоций в лингвистике»** рассматриваются исследования эмоций, имеющиеся в лингвистической науке. Так, эмоциональные состояния изучались в ключе психолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики и лингвокультурологии. Обзор работ, связанных с изучением языковой репрезентации эмоций (И.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Т.В. Булыгина, А. Вежицкая, Ю.Л. Гончарова, Н.В. Дорофеева, С.В. Зайкина, О.Е. Филимонова и др.), позволяет представить общую картину изученности проблемы эмоций в филологии.

В данном разделе также обращается внимание на некоторую разрозненность терминов, касающихся категории эмотивности, что подводит к четвертому разделу работы **«Проблемы исследования категории эмотивности в лингвистике»**. Категория эмотивности не раз оказывалась в центре внимания ученых. При изучении данного аспекта лингвистики исследователи обращались к соотношению категорий эмотивности и эмоциональности, эмотивности и оценки, эмотивности и коннотации, эмотивности и экспрессивности.

Специфичный компонент значения слова -- эмотивный, вводится в обращение основателем эмотиологии -- В.И. Шаховским. Необходимо отметить, что ученые, признающие эмотивность категорией лингвистической, трактуют ее по-разному. Одни из них рассматривают данное понятие

достаточно широко (Л.Г. Бабенко, И.И. Квасюк, О.Е. Филимонова), другие же отдают предпочтение узкому пониманию данного термина (Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова, В.И. Шаховский и др.). При узком понимании из эмотивности исключается лексика отображения эмоций. При широкой трактовке эмотивность рассматривается как категория, охватывающая все средства отображения эмоций, включая лексику эмоций и эмоциональную лексику.

В соответствии с широким пониманием рассматриваемой категории, традиция научного описания выделила два принципиально различных класса: «так называемая лексика эмоций включает слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях (слова типа боязнь). К эмоциональной лексике отнесли эмоционально окрашенные слова, содержащие чувственный фон, ореол, дымку»².

Категория эмотивности имеет отношение не только к лексическим единицам, но также и к тексту. В эмотивных текстах прослеживается закономерность скопления эмотивов. Они, в свою очередь, не только дополняют значение друг друга, но и выполняют функцию интенсификаторов, способствуя усилению проявления качеств эмотивности в подобного рода текстах. Таким образом, исследователи установили три типа эмотивности слова: собственно эмотивность, эмотивность как одна из реализаций семантики слова и контекстуальная эмотивность, находящая отражение в эмотивных текстах.

В настоящее время существует огромное количество работ, рассматривающих вопрос языкового отражения эмоций, однако ученые-лингвисты подчеркивают недостаточную разработанность основных вопросов теории лексической эмотивности, что еще раз доказывает важность изучения выбранной темы исследования.

Пятый раздел первой главы **«Прагматическая лингвистика как инструмент исследования эмоций»** посвящен собственно прагматическому аспекту изучения эмоций в лингвистике. В данной части работы рассматриваются базовые понятия этой относительно молодой отрасли науки и обосновывается релевантность изучения эмоционального состояния говорящего именно в аспекте прагматики.

Проблемы прагмалингвистики пересекаются с поставленными в настоящем исследовании задачами. Так, лингвисты, работающие в данной сфере науки, занимаются исследованием речевой деятельности и ее эффективного исполнения; исследованием условий успешности, уместности, приемлемости высказываний; изучением небуквального значения высказываний, лингвистической организации общения и т.п. Этим и объясняется выбор аспекта изучения экспликации эмоционального состояния говорящего в момент речевого общения.

Таким образом, первая глава посвящена рассмотрению аспектов изучения эмоций в психологии и лингвистике. Исследование эмоций в разных ключах

² Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

обеспечивает более глубокое их понимание. Изучение эмоциональных состояний в языке рассматривалось лингвистами в плане лексики с использованием междометий, повторов, интенсификаторов; синтаксических структур; интонации и др. Анализ многочисленных трудов, связанных с изучением эмоциональных состояний в лингвистике, помог определить место и значение лексики эмоций в современной теории языка. Так, на основании проведенного обзора теорий и практических исследований, была выявлена необходимость изучения эмоций в сопоставительном плане с точки зрения прагматической лингвистики.

Вторая глава **«Лингвопрагматические особенности экспликации эмоций говорящим в татарском, русском и английском языках»** рассматривает непосредственное функционирование лексики эмоций в процессе речевого общения. Речевые ситуации отбирались из произведений Ш. Камала, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, А.П. Чехова, А.И. Куприна, Ч. Диккенса и У.С. Моэма.

В первом разделе главы приводится инвентарь эмоций, эксплицируемых говорящим в сопоставляемых языках. Процесс инвентаризации предполагает проведение анализа для определения совокупности эмоций, эксплицируемых говорящим в момент речевого общения. Составление перечня эмоций производилось на основании фактического материала, отобранного методом сплошной выборки из числа эмотивных речевых ситуаций. Целью инвентаризации является выявление общих и отличительных черт корпуса эксплицируемых эмоций в трех выбранных для анализа языках.

Инвентаризация эмоций проводилась по следующим критериям:

- 1) язык, в котором эксплицировалась эмоция;
- 2) знак эмоции (положительный, отрицательный или нейтральный);
- 3) перечень и количество эмоций, относящихся к определенному знаку;
- 4) группирование эмоций по семантическому признаку;
- 5) число номинаций каждой выявленной эмоции в речи;
- 6) пропорциональное соотношение положительных, отрицательных и нейтральных эмоций в каждом отдельно взятом языке.

Судя по полученным данным, очевидно явное преобладание экспликации отрицательных эмоций в речи говорящих, за ними следуют положительные эмоциональные состояния и наименее частотными в этом плане оказались нейтральные эмоции. Данная тенденция прослеживается во всех трех языках и, таким образом, представляется универсальной.

Количество способов номинаций положительных, отрицательных и нейтральных эмоций, выявленных в речевых ситуациях татарского языка, соответствует следующим показателям: 15, 24 и 3 соответственно. В русском языке – 11, 43 и 3, в английском же языке – 16, 56 и 6.

Для удобства организации способов репрезентации эмоций в трех языках, эмоции были объединены в кластеры синонимов. В каждой группе выделяется доминанта, обладающая наиболее общим концептуальным содержанием, характерным для всех членов данного синонимического кластера.

Говоря о позитивных эмоциях, необходимо отметить большее разнообразие эмоций в татарском и английском языках, где их количество составляет по 15 и 16 единиц соответственно. В русском языке было выявлено 11 положительных эмоций, эксплицируемых в речевых ситуациях.

Положительные эмоции были объединены в 4 кластера. Первый объединяет синонимы с доминантой *радость*. В татарском языке их представляют 9 синонимов: *шатлык, рәхәт, күңелле булу, кәеф, сөөнеч, куаныч, ләззәт, бахет* и *сәгадәт*; в русском – 7: *радость, удовольствие, счастье, приятное чувство, веселье, восторг, наслаждение*; и в английском – 5: *gladness, happiness, joy, delight* и *pleasure*. Вторая группа представлена доминантой *любовь*, где обнаружено 4 синонима в татарском языке (*ярату, сөю, гыйшык* и *ошау*), 2 синонима в русском (*любовь* и *обожание*) и 7 в английском (*love, adoration, admiration, affection, liking, doting* и *being fond of*). Две последние группы находят одинаковую представленность во всех трех языках. В татарском языке *интерес* эксплицитно выражается с помощью лексемы *кызыксыну*, в русском – *интерес*, а в английском – двумя способами: *wonder, interest*. Четвертый кластер объединяет позитивные эмоциональные состояния, связанные с *благодарностью*: в татарском языке – *рахмәт*, в русском – *благодарность* и в английском – *being thankful* и *being grateful*.

Корпус отрицательных эмоций представлен более разнообразно и значительно превышает как положительные, так и нейтральные эмоции. Эксплицируемые в речи негативные эмоциональные состояния были сгруппированы в 11 кластеров, объединенных по семантическому признаку.

Первую группу составляют синонимы базовой эмоции *горе-страдание*. Для ее экспликации в русском языке используются следующие синонимы: *горе, несчастье, беда, отчаяние, страдание* и *мучение*. В англоязычной речи были отмечены эквиваленты *misery, suffer, grief, sadness, desolation, despair, mourning, sorrow* и *anguish*. Что касается татарского языка, нами были зафиксировано четыре синонима: *моң, хәсрәт, газан* и *аптыраш*.

Во вторую группу вошли эмотивы, используемые говорящими для идентификации *страха*. В русском и английском языках таких слов было выявлено по 7 (*боязнь, страх, ужас, испуг, опасение, робость, кошмар*) и (*being afraid, fear, fright, dread, terror, being appalled, awe*). В татарской же речи говорящие эксплицировали данную эмоцию лишь при помощи лексемы *куркыныч*.

Третью группу составляют синонимы с доминантой *гнев*. Здесь, подобно предыдущей группе, наблюдается одинаковое количество номинаций в английском и русском языках – по 6 (*злость, сердитость, раздражение, возмущение, негодование, бешенство*) и (*annoyance, vexation, anger, being out of temper, indignation, outrage*). В татарском языке было обнаружено лишь одно соответствие – *ачу*.

Следующий кластер эмоций большей частью представлен синонимами в английском языке, число которых составляет 8 вариаций *отвращения*: *hate, scorn, contempt, despise, disgust, dislike, abhorrence, detesting*. В русском языке –

ненависть, презрение и отвращение, а в татарском лишь двумя – *яратмау* и *нафрат*.

Для обозначения эмоционального состояния *обида* в русском языке говорящие обращаются к таким номинациям, как *обида, оскорбление, досада* и *огорчение*; в английском – *offence, being hurt, being upset, disappointment, insult*; в татарском для той же цели применяют следующие лексемы: *үнкә* и *рәнжү*.

Шестая группа слов-эмотивов используется для экспликации эмоций с общей коннотацией *стыда*. В нее входят следующие номинативы: *стыд, совестно, позор, срам, смущение* и *конфуз*, используемые русскоязычными говорящими; *shame, confusion, disgrace, embarrassment* – англоязычными и *оят, кызарыну* – носителями татарского языка.

Эмоциональное состояние *грусти* близко по значению к таким эмоциям, как *скука* и *тоска*, что отразилось в отобранных речевых ситуациях. Так, в русском языке их номинации ограничиваются тремя вышеуказанными синонимами, в татарском при помощи слов *күңелсезлек, пошыну* и *сакыну*; в английском же их представленность более разнообразна (*pine, missing, being weary, languish, bore*).

Волнение объединило следующую группу близких по значению слов, куда из русской речи вошли *волнение, беспокойство, забота* и *тревога*; из английской – *anxiety, worry* и *bothering*, а из татарской – *борчылу* и *уяйсyzлык* и *кызгану*.

Вина – достаточно частотная эмоция, эксплицируемая в русских и английских речевых ситуациях. Однако конвенциональная формула выражения данной эмоции ограничивает количество способов ее реализации в речи. Это отразилось на количестве слов-эмотивов, используемых для ее экспликации. Так в английском языке были отмечены следующие: *excuse, being sorry, regret, guilt*. В татарском языке – *гафу, кичерү, гаеп* и *укенү*, кроме того, встречается заимствованное из русского языка слово *вина*, дериваты которого эксплицируют данную эмоцию в русском языке.

Последние два кластера отрицательных эмоций не отличаются лексическим разнообразием при экспликации собственных эмоциональных состояний. В группе *жalousь* в английском языке были отмечены эксплицитные выражения синонимов: *pity, sympathy* и *compassion*. В татарском – *кызгану*, а в русском – *жalousь*.

Негативные эмоции *ревности* и *зависти* были объединены в силу общей семантики, выражающей желанием обладать кем- или чем-либо. В русском языке были выявлены одноименные эмоции, указанные выше. В английском языке – *jealousy* и *envy*, в татарском же языке – *көнләшү*.

Нейтральные эмоции составляют лишь малую часть всех выявленных в речи эмоциональных состояний. В их число входят *безразличие* и *удивление*. Экспликация первой реализовалась в русскоязычной речи при помощи лексемы *равнодушие*, в английской – *not caring, not mattering* и *disregard*; в татарской – *барыбер* и *күңел суыну*. *Удивление* говорящие выражали через использование синонимов *поразиться* и *удивление* в русском языке, *surprise, astonishment* и *amazement* – в английском и *гажәп* – в татарском.

Кроме преобладания отрицательных эмоций в речи говорящих во всех трех языках, необходимо отметить большее разнообразие всех трех видов эмоциональных состояний в английском языке, хотя число их номинаций превосходит в русском языке. Ввиду более консервативного характера англичан, разнообразие обозначений эмоций может быть объяснено более щепетильным подходом к называнию определенных эмоциональных состояний в разных речевых ситуациях.

Далее предлагается рассмотреть функционирование перечисленных эмоций в речевых ситуациях трех рассматриваемых языков.

Во втором разделе **«Сопоставительный анализ позитивных эмоций, эксплицируемых в речевых ситуациях»** проводится обработка лексикографических источников с целью рассмотрения дефиниций эмоций и выявления их синонимов в трех исследуемых языках. Кластерные объединения здесь имеют практически тот же вид, что и в предыдущем разделе. Их отличие состоит в выявлении всех потенциальных возможностей экспликации эмоций в татарском, русском и английском языках, что и обеспечивает практическую ценность исследования. Полученные данные можно использовать для обучения лексике эмоций в трех языках, на базе которых изучаются эмоциональные состояния.

Результаты данной части работы подтверждают логичность объединения положительных, отрицательных и нейтральных эмоций в кластеры, предложенные в предыдущем разделе.

В первом подразделе **«Специфика использования положительных эмоций в конвенциональном контексте»** проводится анализ конвенциональных речевых ситуаций, в которых эксплицируются положительные эмоции. Одной из задач настоящего исследования является выявление факторов, диктующих вербализацию эмоций в речи говорящим. При рассмотрении ситуаций с экспликацией положительных эмоциональных состояний было выявлено, что в трети случаев эмоция проявляется именно в конвенциональном контексте.

Конвенциональными, или общепринятыми считаются ситуации, где от коммуникантов ожидаются определенные речевые действия, продиктованные этикетными нормами. К речевому этикету, в частности, относятся слова и выражения, используемые для приветствия, прощания, просьбы, извинения, знакомства и т.п. Таким образом, причинами, или факторами, обуславливающими экспликацию эмоционального состояния говорящего в момент речевого общения, могут быть конвенциональные рамки ситуации. Так, нами было выявлено 6 факторов, каузирующих проявление положительных эмоций в конвенциональном контексте. В их число вошли следующие:

- 1) встреча;
- 2) знакомство;
- 3) благодарность;
- 4) благодарность в качестве отказа;
- 5) комплимент;
- 6) прощание.

Рассмотрим некоторые из них. Встреча – это одна из наиболее распространенных причин экспликации радости. Речевая ситуация встречи обычно сопровождается общепринятыми в конвенциональном контексте фразами (*рад тебя (вас) видеть, рад встрече, очрашканыма бик шатланам, glad to see you* и т.п.), в некоторой степени обуславливающими успешность процесса коммуникации. Так, при встрече, которой предшествовала долгая разлука, принято информировать о радостном чувстве, возникающем во время встречи. Это обуславливает положительный настрой коммуникантов и, соответственно, успешный исход процесса речевого общения.

Хөршит миңа үзенең ике яшылек бер кызы барлыгын сөйләде. Мин аңар: «Сезнең беләң очрашканыма бик шатланам, Хөршит! Яшьлегемнең бәхетле көннәре, Ослан еллары хәтеремә төшәләр. (Амирхан, «Кадерле минутлар»).

Однако в некоторых ситуациях возникает вопрос об искренности эксплицируемой эмоции. Произвольные выражения, проявляющиеся при социальной коммуникации, в некоторых случаях могут не активировать эмоциональный процесс, а лишь являться индикаторами соблюдения традиций, обусловленных коммуникативной ситуацией.

«А, это вы! Очень рад!», – обрадовался вошедший и стал искать в потемках руку доктора... - «Очень, очень рад! Я – Абогин... Имел удовольствие видеть вас летом у Гнучева! Очень рад, что застал!» (Чехов, «Враги»).

В анализируемой речевой ситуации человек, согласно этикету, эксплицитно проявляет эмоцию *радости*, но из контекста также видно и то, что говорящий так обрадовался бы не каждому, о чем свидетельствует фраза: *А, это вы!* Радость говорящего обусловлена и тем фактом, что ему нужен именно этот человек: *очень рад, что застал*. С целью сближения говорящий представляет себя самостоятельно, уточняя при этом время и место предыдущего знакомства. Описываемая ситуация является примером эксплицирования эмоции, вызванной не самим фактом встречи, а некими меркантильными интересами, связанными с адресатом. Таким образом, экспликация радости в данном случае, скорее, обусловлена возможностями решения проблемы, нежели самим фактом его встречи. Для усиления эффекта проявления эмоции *радости* коммуникант использует интенсификатор *очень*, притом неоднократно его повторяет, что может демонстрировать большую степень эксплицируемого чувства или показную радость.

Для обозначения большей степени радости в русском языке говорящие используют интенсификаторы *как, так, весьма, очень, чрезвычайно*, что демонстрирует глубину эксплицируемого чувства. В татарском языке подобными усилительными словами могут служить следующие – *бик, бигрәк, нинди, ифрат*. В английском языке для той же цели коммуниканты прибегают к лексемам *very, how, quite, so (much)*. Использование интенсификаторов, отмеченных в речевых ситуациях, можно объяснить желанием подчеркнуть искренность чувств. При экспликации радости, ограниченной лишь конвенциональным контекстом, человек не выражает данное чувство в полной мере, а экспликация эмоционального состояния является произвольной.

Для наращивания семантики усиления, кроме использования слов-интенсификаторов, говорящие иногда прибегают к редупликации, где применяются повторы некоторых лексем или фразем. Так, было обнаружено дублирование самих слов-интенсификаторов, например, *очень, очень рад (приятно)*, дублирование номинаций эмоций или использование их синонимов, что можно отнести к приему накопления синонимов.

В арсенале фактического материала имеются примеры, где один из коммуникантов предвосхищает реакцию собеседника, наводя его на традиционное клише.

«Are you glad to see me?», – he asked, love dancing madly in his heart. «Of course I am. You needn't ask that» (Maugham, «Of Human Bondage»).

В англоязычной ситуации один из коммуникантов задает наводящий вопрос, таким образом, наталкивая партнера к экспликации радости, обусловленной встречей. В данном примере говорящий не называет эмоцию, однако дает утвердительный ответ, чем эксплицирует радость. Более того, согласие имеет четко выраженную форму, что не позволяет собеседнику усомниться в реальности испытываемого чувства. Это подтверждается фразой *you needn't ask that*, свидетельствующей о том, что радость в подобной ситуации является чем-то самым собой разумеющимся. Таким образом, в речевой ситуации встречи коммуниканты могут подталкивать друг друга к выполнению норм этикета, задавая наводящие вопросы.

Как видно из имеющихся примеров, достаточно часто встречаются безликие структуры, используемые для экспликации радости в конвенциональном контексте. Это также может свидетельствовать о чисто традиционном характере эмоции, обусловленном общепринятым вербальным поведением в подобных речевых ситуациях. В русском языке это фразы типа *очень приятно*, в английском – *very glad*. Что касается татарского языка, относящегося к агглютинативным языкам, то даже при отсутствии местоимения глаголы имеют указатель принадлежности к определенному лицу. Поэтому в татарском языке подобных примеров обнаружено не было.

Перейдем к следующей группе факторов, обуславливающих экспликацию положительных эмоций, – *благодарности*. *Благодарность* является составляющей частью нормированной этикетом речи. Проявление этого чувства может быть вызвано рядом причин, в которых признательность выражается в ответ на оказанную услугу, сказанный комплимент или в качестве оценки чьей-либо деятельности. Кроме того, благодарность может предвосхищать отказ, тем самым, смягчая его действие или выступать как средство выражения иронии или сарказма. В клишированных фразах речевого этикета часто используются слова-действия, произнесение которых уже является выполнением определенного акта – так называемые перформативы. В их число входит и *благодарность*.

Выражение признательности, или *благодарности*, является положительной эмоцией, вызываемой, например, хорошим отношением со стороны знакомых или близких людей. В таких ситуациях экспликация *благодарности* представляет конвенциональный контекст.

«Я не могу выразить словами, как мне приятно танцевать с вами. Так и хочется, чтобы во веки веков не прекращался этот бал» «Благодарю вас». С вами тоже очень удобно танцевать. Но вечность! Не слишком ли это много. Пожалуй, устанем. А потом надоест... соскучимся...» (Курпир, «Юнкера»).

«Аңар айтмаганныр...». Бераз тукталып тушамга карап тора да, тынычланган кебек була. Тагын сөйләнә башилы. – «Әйттегезмени?.. Менә рәхмәт... Килә, дисез... Менә әлкәй киләнер! Әйдә, алыгыз... Китәм! Хәзер инде китабез... Үзе килә... Жаным, әйдә инде!.. Шулай озак торалармыни?.. Менә рәхмәт...» (Камал, «Бәхет эзләгәндә»).

Выражение благодарности посредством слова *рәхмәт* усиливается за счет повтора и интенсификатора *менә*. Интерес также представляет структура предложений. Как видно из примера, чувство благодарности настолько переполняет говорящего, что это влияет на стиль построения высказывания. Незавершенные предложения свидетельствуют о высоком уровне эмоционального состояния, о том, что адресант не в состоянии контролировать собственные эмоции.

Интересными также представляются примеры, где говорящий высказывает свою благодарность, выступающую в роли отказа от предложений собеседника. Например, в ситуации отказа от приглашения или угощения.

«Извините, я в фартуке и неглиже... Мы горошек чистим для сушки. Отчего вы у нас так долго не были? Садитесь!.. Хотите завтракать?» – «Нет, благодарю вас, я уже кушал» (Чехов, «Предложение»).

Таким образом, благодарность выражают не только за сделанное добро или услугу, но и за внимание, оказанное собеседником.

Другими факторами, вызывающими проявление положительных эмоций в конвенциональном контексте, являются комплимент и прощание. Комплимент в адрес собеседника обычно создает хорошее настроение, чем обуславливает благоприятную атмосферу процесса коммуникации. Прощание – одна из обязательных составляющих этикетных норм. Редки случаи, когда человек уходит не прощаясь, так как это может быть интерпретировано, по меньшей мере, как неуважение. Для этой цели в языке имеется множество формул, выбираемых коммуникантами в зависимости от большого количества параметров (пол, возраст, характер общения, статус и др.).

«Еще раз благодарю вас и с удовольствием жму вашу руку. Если приведет бог драться моему корпусу под начальством, то помните, капитан, первое дело дело поручу вам. А теперь, господа, мое почтение-с. Вы свободны, рад буду видеть вас в другой раз, но в другом порядке. Позвольте-ка дорогу коню» (Курпир, «Поединок»).

Благодарность в данном примере предвосхищает прощание и является индикатором необходимости прервать разговор и попрощаться. Проявление описываемого чувства может сопровождаться жестами, главным образом, рукопожатием. В данном примере налицо использование специфичного выражения, описывающего жест, который делает говорящий. Использование именно положительных эмоций в подобном контексте оставляет благоприятное

впечатление о собеседниках, что и объясняет выбор подобных эмотивов для экспликации собственных чувств говорящим.

Таким образом, в трети случаев выражения положительных эмоций коммуниканты обращаются к социально-принятым фразам – конвенционализмам. Факторами, каузирующими их выражение, являются встреча, благодарность, знакомство, благодарность в качестве отказа, комплимент и прощание.

Второй подраздел «**Причины проявления положительных эмоций вне конвенционального контекста**» рассматривает факторы, вызывающие выражение той или иной эмоции за рамками конвенциональных ситуаций.

С целью выявления других факторов, влияющих на экспликацию положительных эмоций вне конвенционального контекста, были рассмотрены остальные примеры, демонстрирующие языковое выражение исследуемого феномена. Одним из наиболее частотных положительных чувств, манифестируемых в речи говорящего во всех трех рассматриваемых языках, оказалась *любовь*. Как уже упоминалось ранее, *любовь* – это достаточно сложная эмоция, чтобы рассматривать все ее проявления в едином аспекте. Известны различные виды описываемого чувства, что и объясняет дробление факторов, ставших причинами экспликации эмоционального состояния. В перечень упомянутых факторов включаем следующие три: *любовь* к противоположному полу, *любовь* к близким людям и *любовь* к предметам, действиям и окружающей среде. В некоторых речевых ситуациях был выявлен общий мотив, определяющий экспликацию *любви* и других эмоциональных состояний – ответная реакция на вопрос о наличии эмоции или провоцирование проявления эмоционального состояния собеседником.

В речевых ситуациях всех трех рассмотренных языков было обнаружено соседство *любви* с положительными (*радость, восторг, счастье*) и отрицательными (*беспокойство, страх, скука, тоска, грусть, ненависть*) эмоциональными состояниями. Это подтверждает комплексный характер изучаемой эмоции.

Интенсивность протекания данного чувства также может варьироваться в зависимости от ее объекта. Так, наиболее страстной и многогранной *любовью*, судя по имеющимся примерам, является именно *любовь* к противоположному полу. В некоторых ситуациях говорящие используют сравнение этого вида *любви* с *любовью* к близким, что в свою очередь доказывает даже большую степень чувства.

Кроме сравнения с другими видами *любви*, коммуниканты используют разнообразные синонимы, отражающие степень переживаемого чувства. В татарском языке это выражается посредством производных от *гыйшык, ошау, сәю* и *ярату*; в русском – *любовь* и *обожание*; в английском – *admiration, adoration, affection, being fond of, doting, liking* и *love*. Как видно из приведенного перечня обнаруженных способов экспликации эмоции *любви*, наиболее богатый инвентарь в английском языке, наименее – русском, однако количество непосредственных номинаций данного чувства в русском языке в 2 раза превышает их число в татарском и в 3 раза – в английском. Это можно

объяснить большей подверженностью натуры русского человека к выражению собственных чувств в момент их переживания.

Причинами манифестации положительных эмоций могут также служить удовлетворенность, т.е. радость за собственные и чужие достижения.

Позитивная семантика эмоции *радости* в некоторых случаях несет и негативную коннотацию. Так, например, были отмечены речевые ситуации, когда говорящий эксплицирует данную эмоцию в связи с неудачами, провалами других лиц. В подобных случаях радость не является обоюдной, а приятна лишь для говорящего, т.е. выражающего описываемую эмоцию. Такие речевые ситуации манифестируют злорадство или сарказм, вербализируемые посредством экспликации *радости*.

Следующей причиной экспликации эмоций может выступать *интерес*. Экспликация данной эмоции наиболее частотна в английском языке, где выражается посредством двух номинаций (*wonder* и *interest*). В татарском языке была обнаружена единственная ситуация с проявлением данного эмоционального состояния (*кызыксыну*). В русскоязычных речевых ситуациях нам встретились примеры, где говорящий эксплицирует данную эмоцию так же, как и в татарском – лишь при помощи лексемы *интерес* и ее производных.

Мотивами проявления *интереса* могут служить любопытство (намерение выяснить что-либо) или желание поддержать собеседника. Для первой цели в английском языке используется глагол *wonder*, используемый чаще всего в условных предложениях типа: *интересно, а сможет ли он...* или в вопросительных конструкциях типа *интересно, что ты в нем нашла* и т.п.

В русском языке *любопытство* также может каузировать эмоциональное состояние *интереса*. Экспликация данного чувства, в отличие от других эмоций, имеет своей интенцией выяснить необходимую информацию, а не просто сообщить о переживании определенного психического состояния. После момента выражения данной эмоции говорящий намерен услышать ответную реакцию, раскрывающую объект проявленного интереса.

Вторым мотивом экспликации данной эмоции является желание поддержать линию разговора, помочь собеседнику, проявляя интерес к обсуждаемой теме. В некоторых случаях говорящий демонстрирует интерес с целью пробудить подобное чувство у собеседника.

Таким образом, причинами проявления положительных эмоций вне рамок конвенционального общения являются следующие:

- 1) любовь к человеку противоположного пола;
- 2) любовь к близким людям;
- 3) любовь к предметам окружающей среды;
- 4) удовлетворенность, радость за собственные или чужие достижения;
- 5) злорадство или сарказм;
- 6) проявление интереса в качестве любопытства или для поддержания линии разговора.

Третий раздел второй главы «**Лексикографический аспект изучения негативных эмоций**» имеет цель выявить круг отрицательных психических состояний, потенциально способных эксплицировать негативные эмоции

говорящим. По алгоритму работы с положительными эмоциональными состояниями, сначала проводится выборка и анализ значений номинаций эмоций по толковым словарям, затем выявляется круг синонимов, позволяющий представить полную картину эмоций во всех трех языках.

Экспликация отрицательных эмоциональных состояний говорящим может быть обусловлена разными факторами. Обнаруженные в фактическом материале причины выражения эмоций были поделены нами на две группы, где первую составляют мотивы, вызванные конвенциональными рамками общения, вторые же выходят за них. Этим обуславливается подразделение третьего раздела на две части. Первая – «**Отрицательные эмоции, эксплицируемые в конвенциональных ситуациях**» посвящена рассмотрению речевых ситуаций, когда говорящий вынужден эксплицировать чувство вины, или сожаления в силу традиционных устоев общества, т.е. в конвенциональных речевых ситуациях. Так, владение нормами и применение кода общения, присущего тому или иному этносу, может в определенной степени обеспечить эффективность процесса коммуникации. Более того, продуктивное вербальное общение в конвенциональных ситуациях может осуществляться только при условии осознанного и намеренного использования определенных языковых средств и при наличии общего знания значений используемых знаков, т.е. на конвенциональной основе их употребления.

Речевой акт извинения занимает одну из лидирующих позиций по количеству номинаций среди эксплицируемых эмоций в речевых ситуациях фактического материала. Так, были обнаружены несколько форм выражения собственной вины, в число которых входят следующие: *извинение* – в русском языке; *sorry, excuse, regret и guilt* – в английском и *гафу, кичеру, гаеп и укену* – в татарском языке. Для проведения анализа были отобраны лишь те речевые ситуации, где говорящий эксплицитно обозначает собственную вину.

По семантике вышеперечисленные эмотивы приравняются к просьбе искупить вину и могут употребляться в нескольких вариациях. Во-первых, самостоятельно, без уточнения причин, вызвавших данное чувство, во-вторых, с объяснением причин эксплицируемого чувства и, в-третьих, с использованием местоимения, обозначающего лицо, испытывающее данное чувство. Указанные формы экспликации эмоционального состояния *вины* были отмечены во всех трех исследуемых языках. Причины манифестации рассматриваемой эмоции также универсальны для татарского, русского и английского языков. В их число потенциально могут входить следующие три:

- 1) извинение за совершенное действие (физическое и речевое);
- 2) извинение в качестве вежливого отказа или несогласия с адресатом;
- 3) извинение в качестве обращения к партнеру по коммуникации.

Однако фактически во всех трех языках были обнаружены лишь первые две, третья причина представлена единичным случаем в тексте на русском языке, что не отменяет возможности экспликации *вины* при обращении к кому-либо с просьбой и в других языках. Например, *извините, не подскажете который час* и их эквиваленты в татарском и английском языках, вербализованные в лексемах *кичеру, гафу* и *excuse*. Некоторое чувство *вины* в

подобных ситуациях испытывается за беспокойство человека и отвлечение его от собственных дел.

Для этикетного речевого акта извинения характерно следующее: адресат оценивает поведение говорящего как отрицательное, и предполагает, что другой участник ситуации ответственен за его отрицательное состояние. Согласно этикету, говорящий, ставший инициатором негативного действия, должен извиниться. Компонент «вина» существенен для извинения и является условием успешности для речевого общения. Если говорящий не ответственен за действия по объективным причинам или не может влиять на них, он может «отводить» извинения, используя сообщение об этом факте (информатив).

Таким образом, к специфическим характеристикам формы выражения вины в конвенциональном контексте можно отнести следующие: разнообразие факторов, каузирующих извинение; проявление широкого круга коммуникативно-прагматических функций (предваряющее неприятное действие, отказ, обращение к другому лицу, признание вины за уже содеянное); сочетание нескольких вариаций извинения в одном речевом акте.

Следующий подраздел **«Факторы, каузирующие экспликацию негативных эмоций»** рассматривает речевые ситуации вне конвенционального контекста. Общее число негативных эмоций трудно представить ввиду многогранности и разнообразия их номинаций. Основываясь на данных, полученных из речевых ситуаций фактического материала, было обнаружено разное количество номинаций в трех рассматриваемых языках: 24 – в татарском, 43 – в русском и 56 – в английском. Анализ причин эксплицитного выражения негативных эмоций позволил выявить 7 факторов их проявления в речи говорящих. В их число вошли следующие:

- 1) любовь;
- 2) переживания за близких;
- 3) отступления от норм поведения (проступки, отрицательные качества);
- 4) опасные, непредвиденные ситуации;
- 5) жизненные драмы;
- 6) депрессивные или близкие к ним состояния (отсутствие интереса к жизни, взывание к сочувствию, неуверенность в себе);
- 7) желание обладать чем-то.

Любовь выступает наиболее распространенным фактором, обуславливающим манифестацию отрицательных эмоциональных состояний. Во всех трех языках любовь вызывает практически все обнаруженные в фактическом материале негативные эмоции, включая *боязнь, гнев, досаду, мучение, ненависть, обиду, отчаяние, презрение, страдание, ревность, тоску* и др. Притом, в одной и той же ситуации может встречаться совокупность нескольких эмоциональных состояний, демонстрирующих сложность переживаемых чувств. Неразделенная любовь, остывшие чувства со стороны партнера, предательство или даже слишком пылкая любовь могут каузировать экспликацию негативных эмоций.

Вторым мотивом вербализации негативных эмоций выступают переживания за близких. Известно, что родственные отношения являются

неотъемлемой частью жизни большинства людей. Тяжело представить себе мать, которая не заботится о своем ребенке, или брата, который не переживает о благополучии сестры и т.п. Родственные отношения играют важную роль в социуме и свидетельствуют о его благополучии. Кроме родственников в данную категорию включаем близких друзей. Таким образом, переживание за близких является естественным фактором, каузирующим такие эмоциональные состояния, как *страх, жалость, горе, скука, боязнь, стыд* и т.д.

Следующим фактором экспликации негативных эмоциональных состояний говорящего являются отступления от норм поведения. В эту группу включены проступки и отрицательные качества обоих собеседников и третьих лиц. Отступлениями от норм поведения считаем отклонения от устоявшихся правил, принятых в обществе или от субъективного видения ситуации говорящим. Отрицательные качества собеседников также могут интерпретироваться отступлениями от норм. Наиболее частотные слова-эмотивы, используемые в подобных ситуациях могут выражаться следующим перечнем эмоций: *злость, стыд, обида, возмущение, скука, страх, оскорбление, огорчение, страдание* и др. Их эквиваленты обнаружены во всех трех рассматриваемых языках.

Опасные, непредвиденные ситуации, вызванные внешними обстоятельствами, являются следующим фактором, вызывающим *страх, испуг, ужас, отчаяние, боязнь, опасение, горе, зло* и другие. Опасность может быть как реальной, так и мнимой. В зависимости от своей природы, количественной и качественной характеристик, продолжительности, опасность может оказывать на человека следующие воздействия: ощущение дискомфорта, усталости, нервного возбуждения и др. вплоть до летального исхода. Источниками опасности могут быть природные явления или человеческий фактор. Опасные, непредвиденные ситуации в большинстве случаев сопровождаются чувством страха и его синонимами.

Жизненные драмы часто связаны с потерей или серьезной болезнью близких, расставанием с ними, одиночеством, материальными трудностями, несчастьем и т.п. Характер описываемого фактора логически подводит к экспликации именно отрицательных эмоций, в число которых входят *горе, тоска, страх, жалость, стыд, беда, печаль, страдание* и т.д.

Депрессивные или близкие к ним состояния – это психические расстройства, характеризующиеся ухудшением настроения, утратой способности переживать положительные чувства, нарушением мышления и осознания реальности. При подобных состояниях снижается самооценка личности. Данный фактор каузирует *скуку, тоску, страдание, боязнь, грусть, печаль, обиду, отчаяние* и др.

Последний фактор, обуславливающий экспликацию отрицательных эмоций – желание обладать чем-то. Данная причина обычно вызывает вербализацию *зависти, обиды, досады и жалости*. Эти чувства возникают по отношению к тем, кто имеет что-либо материальное или обладает качествами, которые не характерны для эксплицирующего данную эмоцию.

Таким образом, количество факторов, каузирующих экспликацию отрицательных эмоций сводится к семи в русском и английском языках, в татарском же языке – к шести. Фактор депрессивных состояний не был обнаружен в татарском языке, возможно из-за моральных устоев, продиктованных

религиозными соображениями, достаточно развитыми в конце XIX – начале XX веков. Ислам не одобряет сожаление о чем-то несбывшемся и, тем самым, обуславливает более реалистичное восприятие жизни. Кроме того, количество номинаций отрицательных эмоциональных состояний в татарском языке, как уже отмечалось ранее, значительно меньше их эквивалентов в русском и английском языках. Это также ограничивает количество факторов, каузирующих экспликацию негативных эмоций.

Раздел **«Специфика выражения нейтральных эмоций»** отражает лексикографический анализ обнаруженных в речи говорящих аксиологически нейтральных эмоций. Эмоциональные состояния *равнодушие* и *удивление* рассматриваются с точки зрения их дефиниций, предложенных толковыми словарями. Синонимические словари помогли выявить круг синонимов, способных репрезентировать каждое из вышеуказанных психических состояний в речи в трех рассматриваемых языках. Таким образом, проделанная работа логично подвела к рассмотрению факторов, каузирующих экспликацию нейтральных эмоций в татарском, русском и английском языках.

Завершающий подраздел **«Мотивы, обуславливающие манифестацию нейтральных эмоций»** посвящен выявлению причин, вызывающих экспликацию рассматриваемых эмоциональных состояний. Несмотря на то, что *равнодушие* и *удивление* имеют разную аксиологическую модальность, оба эти чувства были отнесены к ряду нейтральных эмоций. *Равнодушие* нельзя отнести ни к положительным, ни к отрицательным эмоциям. *Удивление* же может трансформироваться как в позитивные, так и в негативные эмоциональные состояния. Данная специфика обусловила различие факторов, вызывающих экспликацию вышеуказанных эмоций.

Основными мотивами экспликации равнодушия являются следующие:

- 1) защитная реакция на внешние раздражители;
- 2) желание завуалировать другие эмоции;
- 3) усталость, переутомление.

Первый фактор выражает протест против каких-либо внешних раздражителей, в качестве которых могут выступать чужие мнения или действия со стороны. Данный вид *безразличия* носит демонстративный характер и не всегда соответствует истинности.

Второй фактор служит своего рода прикрытием реально переживаемых психических состояний. Такие эмоции, как *страх* перед осуждением, *стыд*, *нетерпение*, *интерес* и т.п. говорящий маскирует за эмоцией *равнодушия*.

Фактор усталости также может вызывать экспликацию описываемого чувства. Он характеризуется истинностью выражаемой эмоции, чем отличается от первых двух.

Большинство речевых ситуаций с эксплицитным проявлением *равнодушия* обусловлено каким-то одним из вышеперечисленных факторов. Однако имеются примеры, демонстрирующие совокупность всех трех мотивов. Комплексный характер, ведущий к выражению *равнодушия*, проявляется и в усталости говорящего, и в желании скрыть истинные эмоции, и в защитной реакции на внешние раздражители. Подобные ситуации были обнаружены во всех трех рассматриваемых языках и связаны с эмоцией *любви*. Это еще раз показывает

любовь, о которой говорилось при анализе положительных эмоций, как сложное эмоциональное состояние, способное вызывать целый ряд других чувств вне зависимости от их аксиологической принадлежности.

Если *равнодушие* сложно отнести к положительным или отрицательным эмоциям, то *удивление*, как упоминалось ранее, имеет свойство переходить в позитивное или негативное состояние. Эта характеристика стала основой, на базе которой были выявлены факторы, каузирующие экспликацию удивления. Так, неожиданные, нестандартные ситуации или качества собеседников становятся причинами выражения данной эмоции. Принципом дифференцирования факторов, вызывающих данную эмоцию, является ее аксиологическая характеристика.

Рассмотрев *удивление* с положительной коннотацией, было выявлено, что причиной выражения данного чувства может быть не только желание сообщить о собственном положительном настрое, но и настроить собеседника на аналогичный лад. Для реализации данной интенции *удивление* может использоваться в качестве комплимента.

Отрицательные качества собеседника или неожиданные негативные ситуации также могут вызывать экспликацию *удивления* во всех трех языках. Одной из причин манифестации данного типа эмоции выступает отклонение от норм, устоявшихся в сознании говорящего. Однако необходимо отметить, что несоответствие нормам носит субъективный характер.

Проанализировав нейтральные эмоциональные состояния, эксплицируемые в речи говорящих, было выявлено три основных фактора, обуславливающих манифестацию описываемой эмоции. В их число входят следующие: защитная реакция на внешние раздражители, желание завуалировать другие эмоции и усталость, переутомление. При экспликации *удивления*, подобными причинами служат критерии приятности / неприятности эмоции. Другими словами, мотивами к выражению *удивления* могут быть нестандартные ситуации или характеристики людей, вызывающие положительные или отрицательные эмоции, связанные с *удивлением*.

Таким образом, вторая глава посвящена выявлению лингвопрагматических особенностей экспликации эмоций говорящим в татарском, русском и английском языках. Для достижения поставленной в работе цели, во второй главе была проделана следующая работа:

во-первых, был выявлен корпус языковых единиц, номинирующих эмоциональное состояние говорящего различного аксиологического типа. Отрицательные эмоции доминирует во всех трех языках, притом количество их номинаций в английском языке значительно превышает их число в русском и татарском языках. Это объясняется специфичностью характера англичан, т.е. шепетильностью в выборе подходящей номинации эмоции в разных речевых ситуациях. Аналогичная тенденция прослеживается в выборе средств для экспликации положительных и нейтральных эмоций;

во-вторых, обнаруженные в речевых ситуациях номинации эмоций были сгруппированы в синонимические кластеры с определенной доминантой, обладающей общими характеристиками, свойственными для всех членов группы;

в-третьих, были обнаружены основные факторы, каузирующие экспликацию того или иного состояния говорящего в момент речевого общения. Мотивы,

вызывающие манифестацию эмоций в момент речи разделились на две основные группы: в конвенциональном контексте и вне его. Отдельно были представлены факторы, каузирующие отрицательные, положительные и нейтральные эмоции;

в-четвертых, определена национально-культурная специфика экспликации эмоций в речевых ситуациях. Значительное преобладание номинаций эмоциональных состояний в английском языке. Пропорциональное соотношение положительных, отрицательных и нейтральных эмоций в татарском языке составляет 29:31:1, в русском языке – 7:12:1, в английском – 5:12:1. Таким образом, в татарском языке количество положительных и отрицательных эмоций практически равны, в русском и английском языках число отрицательных эмоций превышает положительные почти в два раза.

Заключение содержит основные выводы, обобщающие результаты работы, даются краткие рекомендации и предложения по результатам исследования, раскрываются перспективы работы над темой.

Основные положения диссертации освещены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Муллагаянова Г.С. Полевые подходы к изучению эмоций в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 47, 2010. – № 29(210). – С. 103-107.

Публикации в изданиях, рекомендованных ККСОН

Республики Казахстан:

2. Муллагаянова Г.С. Особенности использования эмотивной лексики в конвенциональном контексте // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер. филологическая. – 2008. – № 5(113). – С. 158-162.
3. Муллагаянова Г.С. Эмотивные глаголы в русском и английском языках // Вестник КазУМО и МЯ. Сер. филологическая. 2009. – № 1(21). – С. 65-70.
4. Муллагаянова Г.С. Аспекты изучения эмоций в лингвистике // Вестник КазНУ. Сер. филологическая. 2009. – № 3(119). – С. 185-189.

Другие публикации:

5. Муллагаянова Г.С. Экспликация эмоциональной лексики // Педагогический вестник Казахстана. – Павлодар, 2007. – № 1. – С. 129-135.
6. Муллагаянова Г.С. Экспликация эмоции страха в русском и английском языках // Проблемы языка в современной научной парадигме. VII Седельниковские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф. / ПГПИ. – Павлодар, 2007. – С. 197-202.
7. Муллагаянова Г.С. Конвенционализм в эксплицируемых эмоциях // Филология: вчера, сегодня, завтра. Памяти Е.А. Седельникова: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. // ПГПИ. – Павлодар, 2008. – С. 237-242.
8. Муллагаянова Г.С. Проблемы категории эмотивности в лингвистике // Мир и человек: история, современность и перспективы: сб. материалов I междунар. науч.-практ. конф. / САУМК. – Новосибирск, 2008. – С. 261-267.
9. Муллагаянова Г.С. Психологический аспект изучения эмоций // Гуманитарные науки: сб. материалов межвузовской науч.-практ. конф. / КарГУ им. Е.А. Букетова. – Караганда, 2009. – С. 163-168.

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 040287 от 25 июля 1997 года

Отпечатано с оригинал-макета. Подписано в печать: 23.11.10
Усл. Печ. Лист 1.5. Формат 60х87. Заказ № 536 Тираж 100 экз.

Печать, бошюровка и переплет типографии редакционно-издательского отдела
ТГСПА им.Д.И.Менделеева